

Вадик Ползунов был компьютерщиком. Не сисадмином и тем более не мазуриком-айтишником, а именно компьютерщиком. Нравилось ему это слово, чувствовалось ему в нем что-то старинное, добротное, похожее на деревенский сундук или крепко сколоченный армейский ящик для снарядов.

Был он, конечно, не Змеем-Горынычем седьмого рангштуфа с малиновым поясом-шарфом на каждой шее, но кой-какие молитвы святому Софтварию знал, удесятеренные машинные слова наизусть помнил, глюкорубом умело владел: не размахивал им налево-направо, как железный дровосек. А самое главное, был готов не одну погонную гигабайто-милю на пальцах прочесать, до каждого миллибиллогейтса дойти, чтобы всех блох переловить, мурлыча при этом под нос старинную песню «А молодого глюкогона несут с разбитою виндой...»

Работал Вадик в Москве, в крупной компании, которая вагонами рассылала по всей нашей необъятной державе стиральные порошки, шампуни, освежители рта и средства для чистки раковин с одинаково приятным ароматом морского бриза. Сам заводик по производству муссонов и пассатов находился, естественно, где-то в глубинке. Почему «естественно»?.. Ах, Боже ты мой! Ну, разве мало нашей столице

«шанелей», «живаншей» и прочих «лягуалей»?! Оставьте провинции хотя бы аналогичный натуральному «морской бриз»!

Заводик был стержневым корнем, питавшим все растение, на котором, естественно, были стебель, кое-какие веточки и, разумеется — цветы с ароматом морского бриза, регулярно превращавшиеся в радужные хрустящие плоды, положенную долю которых Ползунов раз в месяц получал в касе.

Иногда руководство вспоминало фамилию Вадика. Обычно это случалось, когда на ветках подсыхала листва, появлялись гусеницы, а плоды даже не завязывались. Тогда его направляли в командировку на этот самый заводик, рождающий бриз. И вовсе не для того, чтобы, перекричав ветер, покликать Золотую Рыбку. А затем, чтобы развесить компьютерную сеть на старых веслах, посмотреть, где она порвалась, где истрепалась, подштопать кое-где дыры, а заодно лишний раз проконтролировать, вовремя ли меняются противоблошинные ошейники на персонале.

Вадик был не то что нелюдимым, но общаться с малознакомыми личностями не любил, а делать их знакомыми ему было лень. Милые провинциалы и провинциалки, не знавшие этой особенности характера Ползунова, вначале предлагали ему вместе попить пива или кофе, в зависимости от вида напитка заговорщически прихлопывая при этом в ладоши или делая невинные глаза.

На кого-нибудь другого эти жесты и мимика, будто катализаторы в ретортах, многократно усиливающие заманчивость предложений, произвели бы должное действие и привели бы к какому-нибудь взрыву, но Вадик к ним оставался равнодушен.

Поскольку столичного гостя, будто малого ребенка, принято чем-то занимать, чтобы он, утомленный, пораньше лег спать и случайно не увидел лишнего, его один раз сводили в музей химзавода, где под стеклами лежали пожелтевшие телеграммы с резолюциями... нет-нет, не расстрелять, напротив — наградить, а также стояли стеклянные колбы с жидкостями всех цветов радуги, по счастью — наглухо запааянные.

В другом музее — краеведческом — было не менее пыльно. Главным артефактом здесь являлся позвончик какого-то доисторического зверя с труднопроизносимым именем, видимо, случайно забредшего в эту глухомань и сдохшего здесь от тоски и бескормицы. Неподалеку под стеклом хранилась ржавая поломанная половецкая сабля, не выдержавшая удара русского меча...

Здесь же, причем в открытом доступе, находился пулемет «Максим», который стоял на столе, придвинутом к окну — видимо, для удобства, чтобы в случае чего можно было выбить стекло и быстро открыть огонь по неприятелю. По словам бабушки-смотрительницы, «Максим» был трофейным, его когда-то красные отбили у белых. Провинция шла в ногу с передовыми тенденциями музейного бизнеса: Вадика за умеренную плату предложили надеть буденовку или фуражку с кокардой, подержаться за ручки пулемета и покричать на камеру «тра-та-та-та». Когда же он попросил в качестве головного убора корону, бабуся, усмехнувшись, предложила ему по возвращении в столицу обратиться с этой просьбой в Алмазный фонд.

...Чем похожи все музеи, так это строгими взглядами местных жителей, когда-то бывших героями, с похожих на кладбищенские фотографий...

Поскольку смотреть в городке было больше нечего, а пить пиво с абorigенами он по-прежнему не хотел, те, в конце концов, махнули на Ва-

дика рукой и предоставили его самому себе. Поэтому чаще всего он просто сидел в гостиничном номере с планшетом, мгновенно прыгая с его помощью по континентам, странам и городам.

В очередной раз приехав утром в уездный «Бризоморск», Вадик решил побыстрее здесь управиться и сбежать в столицу, на этот раз не на планшете, а обычным вечерним проходящим поездом.

И в этот раз, по счастью, никто не предлагал ему составить компанию, вдобавок все спешили смотреть футбол. Это зрелище Вадик не любил, считая его бредовой выдумкой хуже компьютерного стрелялова — игры «Чумостан», в которую сядешь однажды поиграть вечером, а строчить из «Максима» и спастись человечество закончишь только под утро — такая это зараза заразительная, прошу прощения за тавтологию.

Поскольку времени до поезда было много, а деваться ему было некуда, Вадик вынужденно решил устроить себе экскурсию бюджетника, покатавшись на маршрутках по задворкам городка. Увидеть что-либо интересное он, разумеется, не ожидал. Что там смотреть, это же ведь как подкладка у модного пиджака: снаружи — шик, а внутри — теснота, следы рабочего пота и сплошная тафта.

Вначале Вадик приехал на остановку «Собачьи дворики», и ими оказались дома в коттеджном поселке «Боярский». Водитель автобуса охотно рассказал, что здесь живут руководители завода, производящего морской бриз, а также тутошные олигархи — владельцы местных киосков и ларьков. Оттуда Вадик поехал на противоположный конец города, к «Голубому Дунаю». На самом деле это был зловонный поток с химзавода, та же самая тафта, то есть его изнаночная подкладка.

Зажав нос, Вадик вернулся к остановке и сел в автобус, конечная остановка которого называлась «Рай». Как выяснилось по прибытии, названием ее наградило расположенное неподалеку кафе, переделанное из столовой одноэтажное палаццо, по-видимому, одно из самых патетичных городских заведений.

Неожиданно почувствовавший голод Вадик решил отобедать. Дверь в кафе была открыта, но путь преграждала висящая табличка «Спецобслуживание».

— Ты что, бестолковый? Сказано ведь, что закрыто! — очень вежливо по провинциальным меркам встретил его охранник.

— Я из Москвы, — только и успел сказать Вадик в свое оправдание, но продолжить не успел, поскольку работник общепита неожиданно стал его мягко укорять:

— Ну как же! Так бы сразу и сказали, что с делегацией. Что же вы задерживаетесь, все ваши уже здесь.

Вадик не стал с ним спорить. «Какая разница — подумал он, — лишь бы накормили».

В зале за дюжиной круглых столов оказались странные, похожие на арабских шейхов, люди в белых ниспадающих одеждах, на головах которых были накидки, напоминающие то ли фату, то ли чадру, и круглые черные бублики-венцы. Делегация, не спеша, копалась в тарелках и разговаривала на чужом языке.

Зарубежные гости встретили Вадика без удивления, как будто ждали. Свободное место было одно, на него он и пристроился. Перед новым посетителем как по мановению волшебной палочки появилось блюдо с курицей и салат с майонезом. Утолив первый голод и освоившись, Вадик попросил официантку принести бутылку красного вина.

Белоснежный сосед с черной бородкой внимательно посмотрел на Вадика и отрицательно покачал пальцем. Вадик внутренне усмехнулся и одним махом влил в себя бокал вина, оказавшегося на редкость дурным, с каким-то еловым привкусом. «Тоже, небось, на химзаводе разливают», — поморщившись, подумал Вадик. Шейх тоже нахмурился, прижал кулак к бороде и осуждающе покачал головой.

Не обращая на него внимания, Вадик жадно доедал курицу, думая уже о Москве. Внезапно он боковым зрением заметил, что вокруг него происходит нечто странное. Вадик поднял голову и обнаружил, что черные венцы на головах иностранцев превратились в золотые. Затем эти люди приподнялись над столами и, колыхая одеждами, стали парить в воздухе. Золотые венцы на их головах прямо на глаза раскалились и стали огненными.

«Неужели этого никто не видит?» — подумал Вадик, безуспешно оглядывая зал в поисках официантов.

Громом откуда-то с потолка прозвучал голос:

— И что же ты, Вадик Ползунов, народ травишь? Креста на тебе нет!

— А вы что, христиане? — пробормотал Вадик. — Вы же эти, как их... с Востока!

— А что, разве для тебя есть разница? — грозно продолжал вопрошать голос.

Вадик стыдливо замолк и неожиданно начал вспоминать всю свою непродолжительную жизнь: ведь он же когда-то был хорошим мальчиком, любил читать книги про путешествия и приключения, играл на улице в лапту и «двенадцать палочек», а первой любовью его была высокомерная соседка по школьной парте... Когда же и почему он стал таким, как сейчас?..

Вадик тяжело вздохнул и решился украдкой оглядеться по сторонам. Только сейчас он разглядел висящее на стене приветствие «Добро пожаловать в Рай!», написанное белыми буквами на кумаче.

«Вот оно что! — мелькнула в его голове догадка. — Вот как это происходит... А вдруг это вовсе не рай, а заведение, которое напротив?»

Он почувствовал дикую пустоту, как будто нечто сильное и беспощадное с восторженными лапами ворвалось к нему в квартиру, вонзило жвалы в незащищенную шею, затем уцепило когтем узел со всеми егожитками и убежало по потолку, а он — голый, с прокушенным горлом, остался умирать на холодном кафеле ванной комнаты.

Затем безысходность уступила место страху. Ведь рядом кто-то, скалящийся от злости, крутил кривую ручку лебедки, наматывая стальной трос, на другом конце которого раскачивалась старая рассохшаяся детская люлька-корыто с ним — Вадиком. И по этой причине страх рос от простой тревоги через испуг и ужас до появления в жилах красных замерзших кристалликов и превращения крови в нечто, напоминающее шугу во время ледохода...

А люлька поднималась все выше и выше, до самых облаков, а внизу кто-то натужно крутил и крутил ручку, пока, наконец, не дошел до упора, но все продолжал давить, рассчитывая свернуть, сломать, раскурочить, точно зная, что за этим наступит безумие и пустота... Через мгновение колыбель перевернулась, и Вадик понял, что летит вниз, в бездну, как сброшенный с небоскреба пирожок. Еще секунда — и он разлетится по асфальту повидловыми внутренностями...

Вадик, корчась в судорогах, стиснув веки, из последних сил цепляясь за жизнь, стал вспоминать слова молитв, слышанных им когда-то от

бабушки, но на ум не приходило ничего. Тогда он, как в детстве, стал обещать, что никогда больше не будет делать плохого и постарался заплакать, но слезы наткнулись на сомкнутые створки век и потекли вспять, оставляя, как волны после отлива, пустые раковины, спутанные водоросли и обломки разбитых кораблей...

Вадика спасли врачи, с мигалкой и сиреной доставившие его в приемное отделение райбольницы, где ему поставили диагноз «острое пищевое отравление», промыли желудок и доступные для шланга внутренности, вкололи снотворно-успокоительное и через неделю отправили его, здорового и умиротворенного, из уютной восьмиместной палаты на все четыре стороны.

Первое, что сделал Вадик после выписки — поймал такси и поехал к «Раю». Подъезжая к знакомой остановке, он, сглотнув ком, попросил водителя не останавливаться, а медленно проехать мимо кафе.

— Какого кафе? — не понял водитель.

— Ну, кафе здесь неподалеку есть, «Рай» называется.., — чувствуя недоброе, начал объяснять Вадик.

— Да у меня теща здесь.., — водитель удивился, но как-то зашнурлся, не договаривая. — Отродясь тут никакого кафе не было!

Вадик прильнул к стеклу. И в самом деле: на месте райского заведения располагался пустырь, единственным украшением которого была чахлая поросль лебеды.

— А почему же тогда остановку «Раем» назвали? — привел Вадик последний аргумент.

Водитель посоветовал:

— А ты посмотри внимательней...

Послушавшись, Вадик напряг зрение и только тогда увидел за пустырем жидкую аллею тополей, едва скрывавших проржавевшие памятники со звездами, сгнившие кресты да покрытые мхом каменные плиты...

После этого следы Вадика потерялись. По крайней мере, на работу в столичную фирму он больше не вышел, в связи с чем был заочно уволен. Одни говорили, что он ушел в монастырь и даже уверенно называли его название то ли в Екатеринбургской, то ли в Свердловской области. Другие, напротив, уверяли, что его переманил на большую зарплату производитель продовольственных ядохимикатов.

...А спустя года полтора секретарша Верочка, в очередной раз удачно выскочившая замуж, летала в традиционное свадебное путешествие в райцентр Большой Дубак, что в Юнайтед Стейтс оф Эмирейтс. И там, где-то между пляжем и отелем, она ухватила журнал, где увидела фотографию Вадика, только почему-то сильно обросшего. Что там было написано, она так и не поняла, потому что статья была на арабском языке.

Тот журнал я показал знакомому обрусевшему сенегальцу, который лет тридцать назад приехал учиться в нашу страну, а затем неожиданно для нее и одной русской девушки решил вместе делить все ее радости и печали. Тот повертел журнал, пошевелил толстыми губами и сказал, что это какой-то особенный арабский язык, из которого он понимает только отдельные слова: мироздание, Атлантика и морской бриз.

— Только это статья вовсе не про Vadik Polzunov, — неожиданно добавил он, — а про какого-то Робинзона...

Осень безжалостной захватчицей ворвалась в провинциальный городок, тряхнула рыжей огненной гривой, опалив жаром листья, а потом немилосердно сорвала, разметала и сожгла их дотла, до пепла, разлетевшегося в холодном воздухе редкими снежинками, оставив на деревьях лишь черные обгорелые сучья. Ничего доброго ждать не приходилось, улицы и дома застыли в ожидании первого снега.

Мируныч, укутавшись одеялом, целыми днями сидел в нетопленной квартире, грел на газовой плите чайник и смотрел телевизор, на экране которого седовласый глава разваливающейся державы, насупив брови, грозил своим многочисленным недругам. Правда, сегодня речь его сопровождалась странными помехами, напоминающими постороннее бубнение. Мируныч отставил граненый маленьковский стакан с недопитым чаем, шаркающей походкой дошел до старого черно-белого телевизора со стершейся надписью «Рекорд», взял плоскогубцы, давно заменявшие ему сломанную пластмассовую ручку, и, громко щелкнув, включил вторую программу.

На сером пыльном экране возник восточный человек с прехитрящей внешностью менялы, что дает за полтумана по рублю, сразу начавший всех костерить на чем свет стоит. Однако и его обличения звучали на фоне непонятного речитатива.

«Опять, небось, Мишака свою шарманку завел», — с неодобрением подумал Мируныч о соседе, целыми днями гонявшем на магнитофоне одну и ту же иностранную песню. Как с ухмылкой сообщил Мишака в ответ на его замечания, песня была про какого-то Юру, которого американцы забрали в армию. Мируныч вздохнул: «Эх, похоже, скоро они нас всех куда-нибудь заберут, черт бы их всех побрал!..»

Но на этот раз за стеной было тихо. Странные звуки доносились с улицы. Они были пугающими и дразнящими одновременно, поскольку больше всего напоминали отдаленные автоматные очереди.

— Вот и дождались! — мелькнула мысль в голове у Мируныча.

Он стал напряженно вслушиваться и, несмотря на холод, открыл форточку. В комнату вполз горький запах горелой листвы, прелых слив и промокших ботинок.

Звуки стали яснее: похоже, это был громкоговоритель, который настойчиво требовал что-то непонятное. Мируныч надел серое потертое пальто, такого же цвета кепку и вышел на улицу. Спускаясь по лестнице, он размышлял, куда могло деться почетное знамя из вишневого плюша с вышитым золотым гербом, когда-то стоявшее в кабинете директора. Сейчас заводоуправление оккупировали жуликоватые коммерсанты, и флаг им был явно без надобности...

Мируныч, хлюпая по лужам, прошел целый квартал навстречу звукам, однако, вопреки ожиданиям, не увидел ни цепей автоматчиков, ни колонн бронетехники, ни даже отряда красной буденновской конницы.

Странный шум издавал старый автофургон неизвестной марки с правым рулем, на крыше которого стоял громкоговоритель. Водитель голосом военного коменданта приказывал всем жителям незамедлительно явиться на представление в передвижной международный цирк, который, направляясь на гастроли в Токио, решил осчастливить провинциалов редкостным лицезрением жонглеров, акробатов, клоунов, а также ученых птиц и зверей, знающих правила арифметики. Самой заманчивой частью

представления, по мнению говорящего, очевидно, был номер с десятью хищниками на арене во главе с царем зверей.

Как сообщил громкоговоритель, цирк остановился недалеко — на пустыре. Мироныч хорошо знал это место: летом там паслись козы, мальчишки гоняли мяч, а осенью жгли листву.

Мироныч задумался, потер пальцами виски, почувствовав приближение приступа дурноты. Но вместо нее неожиданно нахлынули воспоминания.

В последний раз он был в цирке с родителями в тысяча девятьсот семьдесят., нет, шестьдесят... Точно — шестьдесят., еще до освобождения Луиса Корвалана. Тогда выступал клоун Карандаш с Кляксой — маленькой собачонкой, действительно будто сбежавшей из школьной тетрадки. Маленький клоун в черном костюме и несуразной шляпе, напоминавшей колпак, смешил публику до изнеможения. У матери даже потекла тушь под глазами, и она потом умывалась... В антракте отец купил лимонад и бутерброды с докторской колбасой. Почему-то бутерброды с докторской колбасой в цирке были самыми вкусными в городе...

Мироныч скомкал в кармане деньги, которые с каждым днем становились все более бумажными, и переулками вышел к пустырю, где на самом деле оказался небольшой полотняный шатер шапито. Внутри было почти так же холодно, как на улице. Может быть, поэтому зрителей на представление собралось немного, они расселись кучками на первых рядах, будто ласточки на проводах.

Место музыкантов занимал духовой оркестр из дома культуры, который летом иногда выступал в городском парке, а в последнее время играл, в основном, на похоронах. К медным трубам зачем-то, скорее всего, для заработка, присоединилась незнакомая пожилая скрипачка.

Представление открылось нестройным исполнением «Марша энтузиастов», под который на арену выскочил жонглер. Он ловко бросал в воздух мячи, антоновские яблоки, уродившиеся этой осенью, и какие-то предметы, похожие на поленья.

Затем три акробата стали кувыркаться, крутиться колесом и сооружать из своих тел конструкции, напомнившие Миронычу этюды из его пионерской молодости. Вскоре к ним присоединилась девушка в блестящем трико, которая забралась на самый верх построенной четырехэтажной пирамиды. Нижнему акробату приходилось тяжело: он натужно пытался, ноги его дрожали, а улыбка больше напоминала гримасу при пересчете пенсионного пособия.

Между номерами на сцену выходил старый клоун, изо всех сил старавшийся казаться молодым. Он подставлял длинные штиблеты для того, чтобы все на них наступали, неловко падал и даже, под общий смех, уселся на колени к сидящей в первом ряду Зинаиде, торговавшей в пивном ларьке. Клоун вовсе не ожидал, что зрительница несколько не смутится, а напротив — обхватит, удерживая, в результате чего ему придется вырываться из ее крепких полных рук, оставляя на полу пуговицы от костюма. Зрители подумали, что Зинаида — из цирковых, подсадная утка, и вежливо похлопали.

Затем наступило время гастролирующей фауны.

На сцену вынесли клетку с вороной. Она, мерцая глазом, осмотрела присутствующих и каркнула на весь цирк.

— Герцогиня Изольда приветствует вас! — провозгласил дрессировщик и пояснил: — Эта ученая ворона прожила двести пятьдесят лет у кол-

дуний и прорицательниц рода Нибелунгов, последней из которых была ведьма Брумфильда, едва не сожженная на костре. Герцогиня, ежедневно общаясь с потусторонними силами, в совершенстве овладела навыками предвидения. Вы можете задавать вопросы, и Изольда на них ответит.

Поскольку зрители выжидательно молчали, дрессировщик, заполняя паузу, поинтересовался:

— Ваше пернатейшество, скажите, вам нравится этот город?

Ворона опять каркнула.

— Герцогине нравится! — объявил дрессировщик и начал подзуживать: — Ну же! Ни за что не поверю, будто у жителей такого прекрасного города нет вопросов к герцогине, и вас не интересует будущее.

— А диктант завтра будет? — вдруг прорезался детский голосок.

Ворона подумала и каркнула.

— Будет! — к общему смеху провозгласил дрессировщик.

— А говорили, что Клавдия заболела.., — разочарованию школьница не было предела.

Дрессировщик усмехнулся:

— Что еще интересует почтеннейшую публику?

— Когда этот бардак закончится?! — решительно спросил какой-то мужчина.

Дрессировщик, видимо готовый к такому повороту, быстро среагировал:

— На политические вопросы не отвечаем!

Мируныч тоже решил поучаствовать в беседе и поинтересовался у ученой вороны, когда в квартиру дадут тепло.

Дрессировщик сделал вид, что слушает птицу, а затем под общий смех объявил:

— Изольда видит в будущем, что батареи включат точно в соответствии с решением горисполкома!

После представления с вороной на арену выбежала грязноватого колера болонка. Она сделала два круга, после чего села в центре сусликом — на задние лапы, подняв передние вверх.

Все тот же дрессировщик объявил:

— Почтеннейшая публика, давайте сравним, сколько знает наша Муля и сколько знает простой советский.., кхм, российский школьник.

Он оглядел зрителей и выбрал жертву, которой оказался Санька — сын Зинаиды, двоечник и хулиган. Тот ни в какую не хотел участвовать в представлении, а когда дрессировщик взял его за руку, неожиданно стал сопротивляться. Только после громогласной угрозы матери отлупить его вечером, мальчишка, насупившись, перелез через невысокий бортик.

— Сколько будет дважды два? — спросил его дрессировщик.

— Ну, четыре, — хмуро ответил Санька.

— Муля, ты согласна?

Собака твякнула четыре раза, за что получила кусочек рафинаду, а Санька не получил ничего.

— А сколько будет семью четыре разделить на два.

Санька стал судорожно подсчитывать, сбился, а потому соврал:

— Мы этого еще не проходили.

— А что скажет Муля? — издевательски поинтересовался дрессировщик и после долгого собачьего лая похвалил: — Правильно, умница, четырнадцать.

— И вовсе она не четырнадцать, а тринадцать раз гавкнула, я считал! — выпучив наглые глаза, начал качать права Санька, а после отпо-

веди надушился, махнул рукой, мол, нету правды на земле, повернулся и пошел на свое место.

Напутствием ему были слащаво произнесенные слова дрессировщика:

— Учись, мальчик, учись, и тогда тебя возьмут работать в цирк...

— Вместо Мули, — с ехидцей громко добавил кто-то из зрителей.

Под занавес представления на манеж вынесли и расставили по краям десяток небольших, размером с молочный ящик, клеток, накрытых подкрашенной мешковиной. На середину вышел, пошатываясь, и сразу улегся, положив косматую голову на лапы, старый лев.

Под бравурные звуки духового оркестра сдернули покрывала с клеток. Оказалось, что в них спали какие-то звери, издав далеко похожие на рыжих бродячих котов, отловленных по подвалам и подворотням. От света они проснулись, поморщились, некоторые зевнули, а затем перевернулись на другой бок и опять заснули.

Бессменный дрессировщик с непонятной гордостью объявил:

— Подданные приветствуют своего повелителя — настоящего абиссинского льва!

...Да, когда-то это действительно был лев, нет — Лев, которого боялись все, а теперь на арене, тяжело дыша, лежал престарелый больной пенсионер. Всем было ясно, что ни прыгать через огненное кольцо, ни скакать на обезумевшей от страха лошади он уже не сможет, и даже, скорее всего, вряд ли самостоятельно заберется на тумбу.

Почувствовав разочарование зрителей, дрессировщик пожал плечами и тут же стал зазывать их сделать на память незабываемые снимки с царем зверей. Тут же, на манеже, возник юркий фотограф, отличительными особенностями которого была чахлая борода и кожаный саквояж.

Люди сидели, опустив глаза, и явно жалели денег. Неизвестно что подтолкнуло Мироныча, ведь в кармане у него оставалась только пустяшная мелочь. Он неловко перелез через барьер, за руку поздоровался с дрессировщиком. Понукаемый, лев неохотно поднялся и сел на задние лапы.

Мироныч посмотрел ему в глаза. Когда-то это был вожак, главарь. Молодой и сильный, он гонял зверье по саванне. Его грозный рык раздавался на мили вокруг; слыша его, все прижимали уши, и никто не смел показаться ему на глаза, не рискуя быть съеденным.

А теперь он лежал здесь, больной и старый, на пыльном ковре в далеком холодном городе, понимая, что дни его истекают...

От сочувствия и взаимного понимания Мироныч неожиданно для всех и самого себя протянул руку и потрепал льва по жесткой, с проседью, рыжеватой гриве.

Лев удивился, в глазах его загорелся странный, неведомый огонек. Он вздрогнул, неожиданно щелкнул пастью и едва не откусил Миронычу палец.

Когда Мироныча не только не сфотографировали, а, отвесив пару тумачков, выгнали из цирка, он возвратился домой в нетопленную квартиру. Вечером, чтобы согреться, положил в ноги горячую грелку, а поверх одеяла набросил свою старую серую шинель с капитанскими погонами.

Впервые за последние годы перед сном он не вспоминал прожитую жизнь. Сейчас он думал о сегодняшнем льве.

— А мы еще ничего, поживем! — удовлетворенно усмехнулся он, после чего прикрыл глаза и стал медленно погружаться в сон.

Чем больше я узнаю людей, тем больше понимаю, что бывших детей, как и бывших чекистов, не бывает. Поэтому, когда кто-то называет наши мероприятия встречами бывших детсадовцев, я его поправляю, поскольку это совершенно неправильно как с лингвистической точки зрения, так и со смысловой.

Никто не удивляется, когда купанием в фонтанах заканчиваются встречи моряков или десантников. Скорее, даже наоборот, недоумевают, когда этого не происходит. Иногда случаются встречи одноклассников и однокурсников, участники которых любовью к фонтанам похожи на бравых владельцев бескозырок и беретов. А вот про другие встречи однодетсадовцев, кроме наших, я не знаю, хотя именно мы являемся главными претендентами на водные брызги: городская детвора, плещущаяся жарким днем в фонтане, у всех вызывает умиление и зависть.

Так случилось, что мы, дети родителей, в конце шестидесятых получивших квартиры в новом микрорайоне, вначале ходили в один детский сад, потом — в соседние школы, встречались на улицах, в кино, в парке. Однажды, я точно не помню кто, кажется, Федор, в шутку предложил после выпускного вечера организовать встречу детсадовцев. Странно, но это предложение всем понравилось...

Налетевшие буйны ветры вскоре раскидали всех по разным городам и заботам. Но группа из десяти-двенадцати человек встречалась ежегодно в первое воскресенье июня — время выпуска из нашего прекрасного детского сада № 95.

В этом году нас ждала соседняя Орловская область, где радушный прием, наконец-то, устраивала местная стая гордых орлов и величавых орлиц, когда-то послушно ходивших парами, держась за ручки, за воспитательницей-наседкой.

Дяди-тети собирались вспомнить, как кричали друг другу «тили-тили-тесто», как ловили кузнечиков, как делали в укромных уголках «секреты», в которых обычные фантики, накрытые зеленым бутылочным стеклом, превращались в волшебные изумрудные картины. В этом мире слово «фантазия» происходило от «фантика», а не наоборот...

Довезти прямо до праздничного стола меня пообещал Федор: он решил похвастаться новым джипом. До того он подкатывал на старой разбитой «пятерке», бывшей предметом постоянных шуток о том, что она сделана из того самого железного горшка, на котором хозяин когда-то восседал в яслях.

Машина была большой, черной и радостной. Федор долго рассказывал, чем она нашпигована. С такими подробностями хорошие хозяйки описывают процесс приготовления рождественского гуся, для того чтобы гости сглазывали слюнку и гордились ожидающим их кушаньем.

— Телевизор сказал, что дорогу новую сделали. Покатимся, как яичко по лысине! — Жизнерадостно пообещал друг, погладив себя по голове, блестящей, как капот его новой машины.

Уже заведя двигатель, Федор начал нахваливать встроенный навигатор с искусственным интеллектом, к тому же русифицированный.

Как будто услышав, что говорят о нем, навигатор мягким задушевым голосом с тембром диктора Кириллова предложил:

— Назовите конечный пункт вашего путешествия.

Федор произнес название скалы, около которой орлы и орлицы уст-
раивали застолье.

Кириллов продолжал вопрошать:

— Какого собеседника желаете слушать в качестве штурмана?

— Да любого! — легкомысленно отмахнулся Федор.

— Хорошо, — подозрительно легко согласился навигатор. — Штур-
ман номер один — «навибутыльник Стас».

Тут же бархатные обертона диктора Кириллова сменились на пьяно-
вато-хрипловатый голосок:

— Ну что, мужики, разливай еще по одной! Что сидите, как будто не
родные?!

— Я за рулем! — автоматически буркнул Федор.

— Я тоже! — пришлось поддакнуть мне.

— А мы потихонечку поедем! — доверительно пообещал Стас. — И ме-
ста, где гаишники обычно стоят, подскажу! Я тут все объезды знаю!.. Что
стоим, брателло? Давай, шевели баллонами! Дави на педали! Представь,
что ты на лисапедe!.. Гы-гы... Ну что, пить не будете? Ох, зря... А я себе
налью...

Раздались булькающие звуки. Затем после паузы Стас выдохнул,
крякнул, пробормотал:

— Эх, хорошо пошла, родимая!

Показалось, что по салону разлился запах сала и малосольных огур-
цов.

Федор насупился и проговорил:

— Эй, как там тебя! Хочу другого штурмана!

— Штурман номер два! — объявил Кириллов. — «Навифессор Ласточ-
кин».

Тут же Стаса сменил голос из числа тех, под ученое журчание кото-
рых я любил засыпать на лекциях:

— Господа, нам предстоит непродолжительное, но увлекательное
путешествие в 225 километров 289 метров, что в пересчете на древнюю
единицу измерения — стадий — составляет одну тысячу двести семнад-
цать этих самых стадиев. При этом надо учесть разницу между стадием
аттическим и эллинистическим...

— Короче! — потребовал Федор.

— Можно короче, — не стал спорить Ласточкин. — В древности су-
ществовала единица измерения «день пути», по латыни — итер педестр...

— Сам ты это самое слово! — не выдержал Федор. — Давай про при-
роду лучше рассказывай!

Навифессор послушно перешел на природу:

— Наш путь будет пролегать по Среднерусской возвышенности. Ее
геологическая платформа состоит из кристаллического фундамента, сло-
женного гнейсами архейского и протерозойского возраста. Осадочный
чехол сложен отложениями палеозойского, мезозойского и кайнозойско-
го возраста...

— Хватит! — попробовал остановить его Федор.

Хитрый Ласточкин сделал вид, что не услышал и продолжал бубнить:

— Надо отметить, что в раннем палеозое наблюдалась денудация...

Федор не выдержал и заорал:

— Кончай свою нудацию!

— Что-что? — наконец расслышал навифессор.

— Хватит твоих нотаций-нудаций!

— Как это хватит?! Лекция только что началась, господа! Извините, академический час — сорок пять минут, так что извольте слушать! — и продолжил как ни в чем не бывало: — Со Среднерусской возвышенности стекают крупные реки — Дон, Ока, Десна...

— Вот-вот, давай про рыбалку! — оживился Федор, бывший завзятым рыболовом. — Что там у нас насчет красноперки?

Ласточкин с явным злорадством заметил:

— К сожалению, рыбалка в настоящее время запрещена! Согласно правилам Азово-Черноморского рыбохозяйственного бассейна за нарушение правил вылова рыбы предусматривается наказание в виде конфискации судна и устройств для ловли, а также...

— Нового штурмана! — потребовал Федор.

— Хорошо, — в салоне автомобиля снова как будто возник Кириллов. — Штурман номер три — «навицесса Сюзанна».

Резюме Федора было кратким:

— Только баб еще нам не хватало!

— Что-что? — раздался женский голос. — Вы что-то сказали или мне послышалось?

— Куда ехать? — перебил Федор.

— А у вас ремни пристегнуты? — вопросом на вопрос ответила Сюзанна, что крайне не понравилось водителю.

— Пристегнуты! — со злостью произнес он.

— А у меня? — кокетливо поинтересовалась навицесса и, не дождавшись ответа, начала руководить: — Ну, хорошо! Поезжайте прямо... Кстати, через два километра будет кафе «Странники в ночи». Почему бы нам не заехать туда?

— Это еще зачем?

— Выпьем кофе, поболтаем, отдохнем. «Странники в ночи» — это так романтично! Вам разве не нравится Фрэнк Синатра? — Сюзанна многозначительно пропела: «Стрэнджерс ин зе найт, эксчэнджин глэнсез...»

— Еще чего! — на Федора давно не действовали такие уловки, тем более виртуальные.

Навицесса продолжала капризничать:

— Тогда нам следует заехать на заправку!

— Для чего? Бак полный! — пришел я на помощь Федору из чувства мужской солидарности.

— Хи-хи! Девушкам иногда надо прогуляться...

— Прогуляешься до кустиков, когда остановимся! — ухмыльнулся Федор.

Я прямо представил себе, как Сюзанна надула губки, насупилась и принялась командовать:

— На развязке повернуть направо, затем под мост...

— Давно бы так... — пробормотал Федор.

Впрочем, уже через пять минут он был не столь категоричен:

— Кажется, мы уже здесь были... Вон и кафе напротив — «Странники в ночи», будь они неладны... Да мы же обратно едем! Это еще что такое!

— Следуйте прямо! — бесстрастным голосом вещала навицесса.

— Возвращаться надо! — предложил я. — Разворачивайся.

— Куда возвращаться? Где разворачиваться? Здесь отбойник везде! Еще километра три!

Сюзанна поправила:

— Поворот на обратный маршрут будет через пять километров.

Федор, уже не сдерживаясь, завопил:

— Какой поворот?! Какой обратный маршрут?! Ты куда нас завела, чертова баба?! Что все это вообще значит?!

Сюзанна фыркнула:

— Сначала вы должны извиниться за «чертову бабу», а потом, если я приму ваши извинения, я, может быть, покажу вам правильную дорогу... Кстати, если вы помните, впереди нас ждет кафе «Странники в ночи»... Стрэнджерс ин зе найт, эксчэнджин глэнсез...

Федор наконец, не сдерживаясь, высказал все, что он думал, после чего навигатор замолчал, а затем одновременно заговорил всеми голосами.

Навибутыльник Стас удивился тому, что мужики, то есть мы, еще не налили. Ласточкин требовал минуточку внимания и предлагал послушать интереснейшую лекцию о строении скелета мыши-полевки. Сюзанна, иногда попадая в ноты, продолжала петь «Strangers in the night» — так, как она помнила эту, безусловно, прекрасную песню.

Федор со зверским выражением лица выключил навигатор, нажимая все кнопки подряд, после чего предложил:

— Посмотри за спинкой сиденья — там, в кармашке, должен лежать атлас автомобильных дорог, я, кажется, его переложил из «пятерки».

...В результате доехали мы почти вовремя — стол был уже накрыт, а орлы с орлицами, местные и залетные, рассаживались по табуреткам и скамейкам. Нам, детсадовцам, было очень весело. Все хвалили новый автомобиль Федора и в очередной раз вспоминали старую шутку про его казенный железный горшок...

А джип Федор, кстати, вскоре заменил на автомобиль попроще, без встроенного навигатора. По его словам, в автосалоне возврат оформили без всяких возражений — по гарантии.

